

ВЯТСКИЙ ТЕАТР. 1885 ГОД

Впервые произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина было поставлено на вятской сцене 8 января 1885 года — это была инсценировка романа «Господа Головлевы», названная «Иудушка».

Об этом спектакле сохранилась довольно подробная рецензия, взятая из «Воляжского вестника» (№ 15) и опубликованная в «Вятских губернских ведомостях» 26 января 1885 года (№ 8).

Вот как описывает спектакль корреспондент:

«По обыкновению на афише значилось, что спектакль начнется в 7^{1/2} часов. Я и трое моих приятелей явились в театр в 35 мин. 8-го и целых полчаса сидели одни-одинешеньки в зале.

В течение этого времени на галерее человек по человеку набралось десятка два людей, затем за несколько минут до 8-и в залу вошло еще несколько лиц; тогда же публика заняла две ложи бенеара и одну верхнюю — и занавес поднялся. Трудно передать характер нашего ожидания.

Ощущение было очень сложно. Невольно думалось о трагизме положения актеров, вынужден-

ных, благодаря контрасту, в известные дни недели играть, несмотря ни на что, играть почти перед пустым пространством...

Между тем на сцене было все на своем месте. Старуха Головлева (Г. Орловская), прекрасно загримированная, в высшей степени естественно охала, ахала и на всевозможные лады сокрушалась о продаже Степой родового имения.

Наше внимание сразу было взято все без остатка, и настроение быстро изменилось. Мы совершенно позабыли, что сидим в пустом зале, что актеры играют в страшный убыток себе, одним словом, все забыли, кроме того, что видели на сцене.

Староста, Любинька и Аннинька были именно такие, каким им быть надлежит, а Павел Головлев (Колосовский - Соколовский) превзошел все ожидания. Вдобавок лицо это постоянно менялось, удивительно точно отражая малейшее изменение его душевного состояния. «Так нельзя играть, таким можно только быть», — произнесла за мной дама, с глубоким интере-

сом все время наблюдавшая за замечательной игрой физиономии г. Колосовского-Соколовского.

И действительно кажется, если бы сам автор видел его игру, он мог бы быть только тронут: полное понимание роли и исполнение положительно безупречно. Но вот и сам Иудушка (Соколовский), представительный и елейный, как и следует, с вечной проповедью всечеловеческого благочестия и в то же время такой низкий, омерзительный Порфирий Головлев, встал перед нами тоже как живой человек. Хотя все наши симпатии принадлежали Павлу Головлеву, особенно в сцене смерти (сцену эту, исполненную глубокой жизненной правды, не описываю за невозможностью передать все потрясающее ее впечатление), но справедливость требует сказать, что и Иудушка был живым воплощением типа — ни одного движения, ни одной нотки, которая была неверной или лишней, — напротив, с первого слова и до последнего это была блестяще исполненная иллюстрация к характеру, созданному великим сатириком. Мы были умилены, мы хлопали и вызы-

вали, но, боже мой, что это были за скудные аплодисменты, что за слабые, пропадающие в пустоте вызовы!

«Велик должен быть талант, несокрушимая воля и ясно сознание долга у людей, способных при самых невозможных обстоятельствах играть таким удивительным образом», — говорили мы, уходя из театра, и в глубине души искренне желали, чтобы в нашем обществе проснулась потребность чистого наслаждения искусством, которое будит в нас совесть и мысль и вообще делает нас умнее и добрее».

В 1914 году был снят цензурный запрет с пьесы «Смерть Пазухина».

В зимний сезон 1916 года (спектакль состоялся 16 ноября) пьесу поставил Вятский театр, но, к сожалению, никаких подробных сведений об этой постановке пока найти не удалось.

Сценическая история произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина на вятской сцене невелика, и хочется верить, что за постановкой «Теней» на нашу сцену выйдут и герои других произведений великого русского сатирика.

В. САЗОНОВ.